

ную для индейцев Северной Америки, на среднеазиатскую почву. Естественно, что на начальных этапах сложение керамического искусства в ряде областей древнего Востока и могла существовать подобная взаимозависимость, однако вряд ли это была универсальная схема. В самом деле, даже в «скобчатой» росписи джейтунской посуды автор склонен видеть влияние корзинного плетения, но в таком случае остается непонятным происхождение основного, ведущего орнамента этой культуры — стручатого. Обнаружение циновок с прямым плетением в домах джейтунской культуры²⁰, как нам представляется, полностью исключает такое предположение. И совершенно напрасно автор сетует на отсутствие тканей, орнаменты которых могли быть скопированы гончарами Геоксюра и Кара-депе (стр. 355). Если даже такая связь и имела, то ее следовало бы ожидать не на территории Средней Азии, а в тех районах древнего Востока, где зародился и сложился орнамент геоксюрского стиля.

В главе VI «Переселение раннеземледельческих племен» дается развернутое обоснование небольшой, но очень важной статьи, опубликованной автором еще раньше²¹. Здесь автор значительно расширил хронологические рамки своего исследования, начиная рассмотрение проблемы с расселения охотников палеолитического времени. В. Массон вполне убедительно аргументирует теорию о расселении племен халафской культуры с востока на запад, вплоть до Малой Азии. Оговаривая всю проблематичность вопроса о происхождении убейдской культуры, В. Массон осторожно допускает существование в горах Загроса своего рода «доубейдской» племенной общности. Если в вопросе о распространении убейдской культуры на север Месопотамии и дальше до Восточного Средиземноморья В. Массон в целом следует за уже высказанными в литературе мнениями, то теория о восточном направлении убейдского влияния полностью принадлежит ему самому. Обстоятельный анализ керамики соответствующей архитектуры и антропоморфной пластики не оставляет никаких сомнений в достоверности выдвинутого и сформулированного тезиса, имеющего исключительное значение для истории культурных связей и контактов племен, порой отдаленных друг от друга на многие сотни километров. Особенно ценно то обстоятельство, что автор не

рассматривает эти влияния в аморфном виде, а четко выделяет параллели, связывающие Южный Туркменистан с севером и югом Месопотамии.

Из мелких замечаний к этой главе можно указать, что комплекс Анау I А вряд ли можно рассматривать как простое воздействие гончарной продукции нижнего слоя Спалка (стр. 416). В свете имеющихся данных представляется более правомерным связывать этот комплекс с «культурой Чешме Али», о чем еще раньше писал Д. Маккауэн. Вслед за многими авторами В. Массон склонен считать некоторые из круглых в плане сооружений зданиями особого, скорее всего культового назначения (стр. 422). Однако еще Г. Чайлд писал, что толосы Арпаччи могли являться обычными хозяйственными помещениями²². В самом деле ни одно из таких сооружений, начиная от Хассуны и до Гавры, не дает никаких прямых археологических фактов (кроме необычной круглой формы) для определения их в качестве культовых сооружений. Более того, аналогичные здания из Южного Туркменистана, как правило, также содержат внутри хозяйственные, а часто мусорные отбросы. Странно предполагать столь утилитарное использование «святых мест», с постоянной закономерностью повторяющееся в каждом новом памятнике.

Еще десять лет назад В. Массон выдвинул гипотезу о проникновении на рубеже IV—III тыс. до н. э. в Южный Туркменистан племен с территории древнего Ирана, что к настоящему времени получило свое полное подтверждение не только в археологических, но и в антропологических материалах.

В «Заключении» автор кратко суммирует основные положения, выдвинутые в соответствующих главах своего труда. Особенно важен его вывод о том, что анализ конкретного материала по первобытной археологии древнего Востока подтверждает известное положение о закономерном характере исторического процесса. В. Массон придает при этом особое значение сопоставлению материалов Старого и Нового Света, в частности Перу и Месопотамии, как примеру независимого развития в рамках общих закономерностей.

Как же в целом оценивать труд В. Массона? Несомненно, выход в свет этой книги имеет большое значение не только для первобытной археологии и древней истории Средней Азии, но и для археологии и истории всего древнего Востока. Автор использовал и критически переработал колоссальный фактический материал, часто разбросанный по мелким изданиям (в том числе и зарубежным). Пожалуй, впервые в одном месте собран,

²⁰ О. Бердыев, Изучение памятников эпохи неолита Южного Туркменистана, сб. «Археологические открытия 1967 г.», М., 1968, стр. 342.

²¹ В. Массон, Восточные параллели убейдской культуры, КСИИ, 91, 1962.

²² Г. Чайлд, Древнейший Восток в свете новых раскопок, М., 1956, стр. 177.

систематизирован и обобщен такой огромный материал, позволивший автору конкретно наметить общий ход исторического процесса на заре человеческой цивилизации Старого Света. Следует отметить, что рецензируемая книга является ценным и незаменимым пособием не только для студентов, но и специалистов, историков и археологов, занимающихся изучением древнего Востока. Но, разумеется, не в этом заключается основная заслуга автора — ценность книги в большой исследовательской работе, в тонком анализе огромного, часто необозримого

материала и в глубоких обобщающих выводах. Смелый в постановке проблем, но осторожный в выводах, автор все-сторонне рассматривает многие вопросы, как бы резервируя последующие возможности их интерпретации. Следует указать, что В. Массон удачно избежал многих мелочей, не увлекся детализацией отдельных частностей описательного характера и сумел нарисовать широкую картину, в которую органически вписаны конкретные данные.

В. И. Саруаниди

R. GUILLAND, Recherches sur les institutions byzantines, I—II, Berlin — Amsterdam, 1967, I, XVI + 607 стр.; II, 397 стр.

В издаваемой И. Ирмшером серии «Berliner Byzantinische Arbeiten» (т. 35) вышла книга французского ученого Р. Гийана, посвященная административной системе в поздней Римской империи и в Византии. Книга эта — не систематический очерк римско-византийской администрации, но сборник статей, опубликованных Гийаном в различных журналах за 1938—1962 гг. Книга разделена автором на три неравные части. Первая из них, названная «Византийская аристократия» (I, 15—150), включает в себя особую главу о знати IV—V вв. По мнению Гийана, аристократия в эту пору формировалась прежде всего как «знать функционеров», т. е. знатность данного лица определялась его служебным положением; аристократический титул не переходил от отца к сыну. Император Валентиниан I пытался серией указов закрепить иерархию должностей. От этой служилой знати отчетливо отличалась наследственная или, пользуясь словами Гийана, «старая сенаторская аристократия» (стр. 23), хотя и не имевшая подчас придворных титулов, однако присваивавшая исключительно себе монополию благородства. Помимо этого, Гийан затрагивает позднейшую эпоху в более специальных главах: о лишении титула, о наследственной передаче титула и в меньшей степени в главах о продаже должностей и о церемонии проскинесиса.

Основная часть книги озаглавлена «Должности и титулы» (I, 153—607; II, 1—229) и в свою очередь распадается на несколько разделов. Первый из них — «Евнухи в Византийской империи», где автор рассматривает, в частности, специфически скопческие титулы, жаловавшиеся в поздней Римской империи. Кувикуларии, императорские спальничьи, составляли довольно многочислен-

ный разряд знатных слуг государя. Их роль была по преимуществу парадной: они стояли у дверей, когда император надевал или снимал корону, прислуживали ему за трапезой, должны были относить патриарху приглашения и выполняли аналогичные функции. Некоторые из них пользовались огромным влиянием: особенно велика была роль кувикулариев, управлявших государственными делами (Антиох, Евтропий, Хрисафий, Амантий), при дворе Аркадия и Феодосия II. Значение термина «примикирий» было более расплывчатым: церковные примикирии принимали участие в богослужении, в исполнении церковных песнопений; помимо того, в церквях были примикирии нотариусов, служащие церковных канцелярий, часто упоминаемые в актах соборов V—VII вв. От церковных примикириев Гийан отличает примикириев-офицеров, непосредственно подчиненных магистру солдат. Этот же термин прилагался и к евнухам, придворным, входившим в состав персонала императорской опочивальни. Во главе евнухов императорской опочивальни стоял препозит, считавшийся в поздней Римской империи иллюстрием и принадлежавший к высшим чинам имперской иерархии. Евтропий, который первоначально был кувикуларием, получил в дальнейшем звание препозита; он был единственным евнухом, удостоенным титула консула. Препозитом служил первоначально и Нарсес, один из известнейших полководцев императора Юстиниана. Указом Феодосия II от 422 г. препозиты были приравнены по своим привилегиям к префектам и магистрам солдат.

Особый разряд императорских евнухов составляли спафарокувикуларии, или спафарии-кувикуларии, т. е. вооруженные мечами кувикуларии, стражники

опочивальни. Упомянутый выше Хрисафий, фаворит Феодосия II, именуется в источниках то кувикулярием, то спафарием (меченосцем). По-видимому, с VI в. в употребление входит составной термин «спафарокувикулярии». В то время они находились под началом примкирия священной опочивальни, и во время восстания Ника участвовали под командованием Нарсеса в избении народных масс на Ипподроме. Выше спафарокувикуляриев стояли евнухи-остии, носившие в руках жезл как символ своей должности. Они должны были сопровождать императора во время некоторых торжественных процессов, остии возглавлял группу знатных дам, являвшихся, чтобы приветствовать нового государя...

Все это обилие скопческих должностей (большинство которых к тому же могло быть куплено за определенную сумму) отлично характеризует придворную атмосферу Большого дворца в Константинополе с его гипертрофированной страстью к церемониалу.

Второй раздел книги отведен для должностей «бородатых» вельмож; в нем основное место занимают главы, освещающие позднеримские и византийские командные должности в армии. Там рассматривается, помимо всего прочего, замена в VI в. термина *magister militum* греческим термином *стратиг*, введение в VI в. должности *стратига-автократора*, употребление термина *стратилат* в IV—VI вв., организация корпуса *схол* — императорской гвардии. Схолы (они насчитывали 3,5 тыс. человек) рекрутировались из иноземцев, до правления императора Зинона — преимущественно из армян. Зинон заменил их исаврийцами. В V—VI вв. *схолы* разделялись на семь отрядов. До VI в. *схолы* находились в ведении *магистра официй*, назначавшего для командования этими гвардейскими частями своего приближенного — так называемого *доместика*. Гийан рассматривает далее должность *коми*та *ко*ношен, занимавшего важное место в позднеримской военной администрации. На этом посту в V—VI вв. находились такие люди, как Аэтий и Велисарий. Наконец, он останавливается на термине «*стратопедарх*», применявшемся в IV—VI вв. то как синоним *стратига* (полководца вообще), то, по мнению А. Фогта, для обозначения *интенданта* (впрочем, взгляд Фогта Гийан считает гипотетичным).

Остальные командные должности, рассмотренные Гийаном, создаются уже в более поздний период. Обращает на себя внимание, в частности, то обстоятельство, что должности командиров морских соединений автор прослеживает только начиная с VII в.

Третий раздел посвящен титулам «бородатых». Здесь для античника особенно

существенны главы о титулах (встречавшихся как в IV—VI вв., так и позднее) «цезарь» (в греческой транскрипции *кесарь*), «консул» (*ипат*), «проконсул» (*афипат*), «декан», «протоспафарий», «патрикий».

Главы второй части построены, как правило, по одному типу: они содержат, помимо характеристики соответствующей должности или титула, составленный в хронологическом порядке список лиц, занимавших данную должность или наделенных данным титулом.

Небольшая третья часть (II, 233—286) затрагивает тему, далекую от интересов историка поздней Римской империи, — она содержит французский перевод сочинения Псевдо-Иодина (XIV в.) о должностях константинопольского двора и замечания о некоторых из этих должностей.

Книга завершается удобными индексами, составленными М. Науенбургом (указатели титулов, имен и географической номенклатуры), облегчающими пользование книгой.

Работа Гийана — сводка колоссального материала, почерпнутого из огромного количества памятников, созданных на протяжении более чем тысячелетия (IV—XV вв.). Здесь и хроники, и законы, и моливдовулы (свинцовые выслы печати должностных лиц), и документы, и специальные трактаты-тактики (обрядники, регулирующие жизнь константинопольского двора). По своему характеру рецензируемая книга напоминает известный многотомник Ф. Кукулеса «Византийский быт и цивилизация»¹, тоже состоящий из обособленных очерков и тоже являющийся эрудитской сводкой данных, почерпнутых из необозримой массы источников. Сопоставление с книгой Кукулеса сразу же позволяет заметить одно из достоинств рецензируемой работы. Если Кукулес предлагает читателю только систематическую группировку собранного им материала и пренебрегает хронологическим принципом, свободно перемещаясь из IV в XV столетие (а то даже и за эти пределы), отчего нарисованная им картина приобретает вневременной, внеисторический характер, то материал, обработанный Гийаном, всегда строго привязан ко времени.

Упорядоченный во времени обширный материал по истории многочисленных должностей и титулов поздней Римской империи и Византии делает книгу Гийана незаменимым пособием для каждого, кто намерен исследовать судьбы знати Империи или организацию управления в ней.

Тематика Гийана — редка, почти уникальна. У нас византийской администра-

¹ Ph. Koukoulez, *Vie et civilisation byzantines*, t. 1—6, Athènes, 1948—1957.

тивной системой практически никто не занимается. За границей этим занимаются обычно спорадически, от случая к случаю. Правда, в последние годы появились исследователи, систематически работающие в этой области. Это прежде всего французы Э. Арвейлер, Ж. Верпо и Л. Стирнон, а также молодой западногерманский византист А. Хольвег. Но работы их тематически ограничены: Арвейлер занимается провинциальной администрацией, флотом и статусом этнических меньшинств; тщательные исследования Стирнона сосредоточены, собственно говоря, на одном титуле «севаст» и родственниках с ним; штудии покойного Верпо были связаны с подготовкой нового издания Псевдо-Кодина и изучением поздневизантийских должностей; диссертация Хольвега относится к ограниченному периоду — к эпохе Комнинов (1081—1185). Только Гийан стремился удовлетворить настоятельную потребность в создании картины византийской администрации на всем протяжении ее существования.

Это отважное предприятие. В работах такого типа неминуемы пробелы и промахи, их можно отыскать и у Гийана. Последующие поколения исследователей отбросят иные из его выводов, как мы отбрасываем сейчас выводы Дюканжа, но без подобных сводных работ движение исторической науки навряд ли возможно.

Работа Гийана создавалась как сумма самостоятельных очерков. То, что они собраны теперь под одним корешком и снабжены единым индексом, значительно облегчает их использование. И все же подобное происхождение книги дает о себе знать. Дело не только в том, что в работе Гийана остались большие лакуны, что опущены многие титулы и должности — книга и без того плод десятилетий упорного труда. Значительно досаднее, что сочинение, вышедшее в 1967 г., практически останавливается на результатах 1962 г. Сам Гийан не стоял в это время на месте. Не претендуя на полноту, назову несколько его трудов, относящихся к той же теме и дополняющих рецензируемую книгу.

О византийской знати: *La noblesse byzantine. Remarques*, REB, 24, 1966.

О титулатуре: *Очерки административной истории Ранневизантийской империи (IV—VI вв.)*. Заметки о титулах знати: *эгрегий, перфектиссим, клариссим*, «Виз. Врем.», XXIV, 1964 (французский вариант см. ЕЕВЗ, 35, 1966/67); *Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Les titres nobiliaires de la haute bureaucratie (IV-e — VI-e ss.)*, «Сборник радова Византологического института», VIII/1, 1963; *Les patrices byzantins des IV-e et V-e siècles*, ЕЕВЗ, 34, 1965; *Le sébastophore*, REB, 21, 1963; *Le titre de candidat*, «Poclyhronion», Heidelberg, 1966; *Le Pro-*

tovestiarite, «Rivista di studi bizantini e neoellenici», 4, 1967.

О должностях: *Etudes sur l'histoire administrative de l'empire byzantin. Le compte des murs*, «Byzantion», 34, 1964; *Sur quelques titres du Bas Empire byzantin: Le mémorialiste, ἐπι τῶν ἀναμνήσεων, le myrtaite et le tatas*, «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», 16, 1967; *Le maître des requêtes*, «Byzantion», 35, 1965; *L'Orphanotrophe*, REB, 23, 1965.

Вместе с тем постепенный рост наших знаний о прошлом привел к тому, что некоторые статьи Гийана уже устарели и не должны были бы воспроизводиться в книге, изданной в 1967 г. Так, я бы опустил перевод Псевдо-Кодина: критическое издание трактата о должностях Константинопольского двора, выпущенное Верпо в 1966 г., содержит текст, значительно отличающийся от старой публикации, положенной в основу перевода Гийана. В другие статьи, на мой взгляд, следовало бы внести некоторые поправки или дополнения и прежде всего обновить библиографию. Так, говоря о деспоте Михаиле Ангеле, Гийан отсылает к книге Д. Найкла, не отмечая, однако, что выводы Найкла были отвергнуты Стирноном².

Третий недостаток, вытекающий из очеркового характера издания, — это повторения. Главы писались как самостоятельные статьи, повторять отдельные пассажи в них было естественным, более того, необходимым, но когда в одной книге на стр. 454 I тома сказанное об Алексее Комнине почти буквально повторяет то, что говорилось о нем уже выше, на стр. 392 (подобных случаев немало), — это излишне.

Короче говоря, мне кажется, что известное редактирование книги было бы желательным.

Я уже сказал, что труд Гийана состоит из самостоятельных глав-очерков. В какой-то мере попыткой преодолеть эту внутреннюю разобщенность материала служат в рецензируемой работе две первых главы: «Своеобразие и значение византийской администрации» (I, 3—12) и «Родовитая знать в Византии» (I, 15—22), где изложены общие воззрения автора. Но как раз общие концепции, на мой взгляд, не принадлежат к сильным сторонам творчества Гийана.

Действительно, в чем усматривает Гийан своеобразие административного устройства Империи? Он излагает по этому поводу довольно традиционные суждения: сохранение римских традиций, проникновение восточных норм, представление об императоре как о живом законе, терпимость византийцев к обычаям покоренных народов. Пусть

² L. Stiernon, *Les origines du Despotat d'Epire*, REB, 17, 1959.

даже каждое из этих суждений справедливо само по себе — их сумма не образует функционирующей модели византийского государственного аппарата. Вне поля зрения Гийана остается самое существенное — деятельность чиновничества (некоторым исключением служит лишь глава о продаже должностей): как осуществлялось здесь правосудие, каково было отношение государства к подданного и множество других, с этим связанных проблем. Вне поля зрения Гийана остается и социальная природа византийского государства, и социальная психология, творившая образ идеальной монархии (вопросы эти поднимаются в последнее время в работах Х. Г. Бека, Г. Хунгера и ряда других византистов; применительно к поздней Римской империи их ставит А. Альфельди, Р. Мак-Муллен). Административная система словно оказывается не органом господства и управления, но парадной организацией, совокупностью чинов и должностей.

Несмотря на то, что конкретный материал Гийан размещает во времени, общая тенденция его книги состоит в том, чтобы подчеркнуть консервативность, даже неизменность византийских порядков и учреждений. Он ставит одну из принципиальных задач византиноведения — о соотношении родовитой аристократии и чиновной знати в Византии, и удовлетворяется констатацией того, что в Империи «во все эпохи» различали две эти группы (I, 15; ср. I, 132—134). Но позволю себе спросить, одинаково ли во все эпохи?

Два византийских историка — Феофан и Никита Хониат — принадлежат разным эпохам. Первый умер в начале IX в., второй в начале XIII. И тот, и другой в своих хрониках упоминают множество лиц, но вот что показательно: у Феофана подавляющее большинство названо только по имени, у Хониата — по имени и фамилии. Фамильные имена Феофана почти никогда не повторяются у разных лиц — это скорее личные прозвища, нежели фамилии в собственном смысле слова. У Хониата, напротив, мы встречаем четкие аристократические «династии», носящие фамилию, которая передается, правда, не всегда от отца, но иной раз от матери или даже от бабушки, по материнской линии. Случайно ли это различие? Отнюдь нет: та же разница обнаруживается при сопоставлении мнимоулов VIII—IX и XI—XII вв. На ранних обозначаются почти всегда одни только имена, на поздних, — как правило, имена и фамилии. По-видимому, между IX и XI вв. происходит процесс консолидации родовитой аристократии. Такое заключение тем более вероятно, что именно на этот период времени приходится и рост крупной земельной собственности.

Но пойдем дальше. Говоря о положении евнухов (исследование их статуса — одно из наиболее оригинальных достижений Гийана), французский исследователь подчеркивает, что «на протяжении всего существования Византийской империи евнухи были весьма могущественными» (I, 189). И опять-таки я задам тот же вопрос — всегда ли одинаково? Легко видеть, что середина XI столетия была временем расцвета влияния скопцов на государственный аппарат, тогда как с конца этого века они довольно быстро оттесняются на задний план. С конца XI в. исчезают всевластные евнухи-фавориты, управлявшие государством незадолго до этого (такие люди, как Иоанн Орфанотроф, Иоанн Сидский или Никифоридас). Евнухи вытесняются из армии, перестают командовать военными соединениями. Более того, исчезают специфически скопческие чины и должности: протовестников, паракимонов, препозитов, стольничих и т. п. Все эти факты отмечены в книге Гийана, — но отмеченные каждый в своем месте, применительно к отдельным должностям и рангам, они не складываются в целостную картину, и потому исследователь приходит к абстрактному и неточному заключению о неизменности положения евнухов. На самом же деле, та перестройка господствующего класса, которая завершается на рубеже XI—XII вв. (отмечу попутно, что в XI в. на сцену выходит ряд аристократических родов, играющих в дальнейшем огромную политическую роль, тогда как на протяжении XII в. не появляется ни одной новой аристократической фамилии, кроме Ласкарей) и которая, в частности, выражается в консолидации родовитой знати, сказалась и на структуре константинопольского двора, где евнухи были вытеснены представителями аристократических фамилий.

К этому можно присоединить еще несколько наблюдений, сделанных самим Гийаном, но тонущих в массе фактического материала. До XI в. вертикальная динамика в византийском обществе была настолько значительна, что доступ к престолу оставался в принципе открытым для энергичных выходцев из низов; с конца XI в. этот узус практически исчезает, и трон оказывается в руках нескольких знатных фамилий, состоявших в родстве между собой, — Комнинов, Ангелов, Ласкарей, Палеологов и Кантакузинов. До конца XI в. сохранялась старая система рангов, основным элементом которой были чины, жалующие высшим полководцам и администраторам: магистра, анфипата, патрикия и протоспафария. Около 1100 г. все эти старые ранги выходят из употребления, и создается новая система, основанная на принципе родства и свойства с царствующим домом (отмечая вырождение старых титулов, Гийан, к сожалению, совершен-

но оставляет в стороне возникшую при Алексее I Комнине систему рангов). Если суммировать все эти разрозненные наблюдения, у нас будут основания говорить об очень серьезных сдвигах в политической структуре Византийской империи на грани между XI и XII в.

Книга Гийана — серьезное пособие, основанное на огромном фактическом материале. Она освещает все периоды византийской истории, от IV до XV в. Это ее достоинство, но именно широта охвата делает рецензируемую работу уязвимой для критики. Легко избежать погрешностей, оставаясь в пределах узкой темы, невозможно — принимаясь за решение столь обширной задачи. Позволю себе в заключение отметить две-три подобных погрешности.

Рассматривая моливдовул севастократора Исаака Комнина и ставя вопрос об идентификации владельца печати (I, 501 и сл.), Гийан замечает: «Два Исаака Комнина, брат Алексея I и один из сыновей этого императора, носили титул севастократора». Однако севастократором был также Исаак Комнин, внук Алексея I, великий стратарх (он отсутствует также и в списке стратархов: I, 394 сл.). Кроме того, еще один севастократор Исаак Комнин действовал при дворе Ангелов (1185—1203). Поэтому предложенная Гийаном идентификация владельца моливдовула с сыном Алексея I спорна.

От протосеаста Иоанна Комнина, сына севастократора Андроника (брата императора Мануила I), Гийан отличает другого протосеаста Иоанна Комнина II, 319), «сына Андроника Комнина,

брата Иоанна II»; этот протосеаст Иоанн погиб при Мириокефале в 1176 г. (I, 545). Различие это — недоразумение: протосеаст Иоанн, погибший при Мириокефале, — племянник не Иоанна II (того, кстати, звали — не по отцу, а скорее всего, по матери — Иоанном Дукой), но Мануила I.

Кесаря Никифора Вриенния, известного историка и мужа еще более известного историка, Анны Комнин, Гийан безоговорочно называет внуком мятежника Никифора Вриенния (I, 45) — вопреки тому, что большинство исследователей принимает версию Зонары, считавшего кесаря сыном мятежника³. Другой кесарь, Иоанн Рожер (Рогерий), вопреки Гийану (II, 31), был не норманским авантюристом, а сыном выходца из Италии и знатной гречанки Далассины, и ему должна быть атрибуирована печать кесаря Иоанна Рогерия Далассина⁴.

Эти погрешности (а список их может быть расширен) показывают, насколько насущной задачей для византинистов является издание просопографического справочника.

А. П. Камдан

³ A. Carile, Il problema della identificazione del cesare Niceforo Briennio, «Aevum», 38, 1964, стр. 81—83.

⁴ M. Mathieu, Cinq poésies byzantines, «Byzantion», 22, 1953, стр. 139, прим. 4; L. Stiernon, Notes de titulature et de prosopographie byzantines. A propos de trois membres de la famille Rogerios, REB, 22, 1964, стр. 185—187.

H. CHANTRAINE, *Freigelassene und Sklaven im Dienst der Römischen Kaiser. Studien zu ihrer Nomenklatur*, Wiesbaden, 1967, XIV + 419 стр.

В рассматриваемой работе автор ставит себе целью на основании анализа всех имеющихся источников — литературных, эпиграфических, папирологических — проследить разнообразные варианты полных и сокращенных имен императорских рабов и отпущенников, проследить принципы, которыми руководствовались при сокращении имен и титулов авторы надписей, и установить территориальные и хронологические рамки распространения тех или иных вариантов. Последний момент особенно важен, так как открывает возможность хотя бы приблизительно датировать те надписи, в которых не содержится иных данных о времени их составления.

В 19 главах своего обширного труда Шантрэн собрал, систематизировал и прокомментировал огромный материал, большей частью сводя его в таблицы, что облегчает пользование книгой, и не оставил без внимания ни одного элемента, входящего в имена императорских рабов и отпущенников, затрагивая попутно ряд других вопросов, уже ранее рассматривавшихся его предшественниками.

В первых двух главах автор останавливается на задачах своего труда и литературе вопроса. В гл. III характеризуются надписи, содержащие полные имена императоров как господ или патронов их рабов и отпущенников начиная с Августа и кончая Гордианом III, после